

3 сен. 1980г.

● НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

ПРАВО НА БЕССМЕРТИЕ

О романе Хамида Гуляма „БЕССМЕРТИЕ“

СТОИТ у открытого окна Алимджан Саттаров, начальник районного отдела ГПУ в Газылкенте. Где-то в нескольких десятках верст отсюда живет напряженной, кипучей жизнью Ташкент, политический и культурный центр громадного Туркестанского края. А здесь — обманчивая тревожная тишина, по ночам нарушаемая выстрелами из винтовок и «вайзаков» (маузеров). Это басмаческие шайки, предводительствуемые самыми реакционными, озлобленными на народ выходцами из среды эксплуататорских классов, пытаются остановить могучий поток жизни и помешать осуществлению глубоких революционных преобразований. Но эта ночь в Газылкенте, большом предгорном кишлаке, раскинувшаяся у подножия Чимгана, выдалась тихой. Величественно плывет луна над высокими тополями. Затихает ветер. Не поет свою извечную песню бурная горная река. Гул ее не доносится сюда. Он растворяется в шелесте листьев. Вдали еле проступают, возвышаясь над горизонтом, горные пики могучего Чаткальского хребта. Там, у подножия гор, спит тревожным сном Ходжикент. К нему уносятся сейчас мысли Алимджана Саттарова: там, в Ходжикенте, где один за другим были зверски убиты два учителя, молодые парни, полные сил, мечтавшие о светлом будущем детворы, снова открывается школа, снова не сегодня-завтра ранним утром, когда только первые лучи доброго, ласкового солнца заиграют на окнах бывшего байского дома, зазвенит звонок, приглашая детей на первый урок.

Да, это неизбежно должно случиться, несмотря на террор басмачей, злостную агитацию ишанов и мулл, темноту и невежество тех, кто свято верил в «незыблемость законов шариата, могущество и правоту ислама».

И вот такая тревожная мысль приходит в голову Алимджану: когда-нибудь, в том счастливом времени, когда школьные звонки будут беспечно трезвонить по всем кишлакам, вспомнит ли кто этот ходжикентский звонок, за который уже заплачено двумя жизнями?

Так начинается одна из глав нового романа известного узбекского писателя Хамида Гуляма, чьи произведения давно стали достоянием всеобщего читателя.

Мысли Алимджана Саттарова точно указывают на то главное, во имя чего действуют герои романа, что объясняет их готовность рисковать своей жизнью и что действительно было оплачено кровью лучших людей эпохи первых лет революции, тех людей, чья жизнь была подвигом в самом высоком и самом конкретном значении этого слова.

События, показанные в романе, происходят с сентября по ноябрь 1923 года, когда наша страна готовилась отметить шестую годовщину Великого Октября. Культурная революция в Туркестане делала тогда только первые шаги. Вопрос о грамотности населения, о ликвидации тяжелого наследия прошлых веков — темноты и невежества широчайших масс местного населения — приобретал острый политический смысл. Речь шла о будущем народа, об утверждении принципов социализма, о росте новой личности, становлении передовой культуры — обо всем том, что стало сегодня достоянием миллионов и миллионов советских людей всех национальностей, что определяло достижения зрелого социализма, закрепленные в новой Конституции СССР.

Писатель, оставаясь верным исторической правде, показывает, что путь к вершинам сегодняшнего дня не был ни прямым, ни легким. Сосредоточив внимание на судьбе одной школы в горном кишлаке, он раскрывает глубокое содержание культурной, политической жизни Туркестана первых лет революции, поднимаясь до широких обобщений, имеющих принципиальное значение для понимания процессов, происходящих в современную нам эпоху за рубежами нашей страны.

О чем бы ни писал он в главах, насыщенных чрезвычайно богатым материалом, дающих повод для размышлений и о судьбах людских, и о путях строительства новой жизни, и о громадной по своим масштабам работе партийных ор-

Георгий ВЛАДИМИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор, лауреат
Государственной премии
УзССР имени Хамзы.

ганизаций, и о необходимости борьбы со служителями культа, всеми способами пытавшимися задержать процесс культурного роста крестьянских масс, — во всех случаях он остается верен одной теме.

Мужество чекистов, беспредельно преданных делу революции (Махкам Максудов, Алексей Трошин, Алимджан Саттаров), мудрость простых людей из народа, все более полно и выразительно проявлявших свой талант организаторов масс (Исак-акакал), героическое прошлое солдат революции, бесстрашно вставших под красные знамена Советов (Аскаралы Батыров, Халмат-Чавандоз), новые женщины, делающие первые, иногда робкие шаги по пути новой жизни (Карима, Назика, Умринос), злые и жестокие враги Советской власти (Салахитдин-ишан, Кабул-мельник, Нарходжибай), националисты, вставшие на путь предательства интересов народа (Талипджан Обидий, Рахим Обидов), — за всем этим угадывается большая, концептуально важная мысль о школе, о значении ее в политической, государственной, культурной жизни.

О школе и первых учителях, открывших двери ее для детей дехкан, думает Масуд Махкамов на ходжикентском кладбище у могилы своих предшественников Абдулладжана и Абиджана.

О школе и роли ее в борьбе за Советскую власть размышляет Исак-акакал после неудавшегося покушения на него врагов революции.

«Казалось бы, школа одно, а сельсовет — совсем другое, у каждого своя нужда в нем, а вот, поди ж ты — жизнь в Ходжикенте притихла, словно бы пригнулась в ожидании очередного удара. И ведь как все связано! Пуля и камень поставили свои точки на коротких путях молодых учителей, а прошлой ночью нож летел в председателя...»

И он мучительно ищет ответа на вопрос, кто стоит за теми, чьи руки обогреты кровью лучших людей: Нарходжа, недобитые басмачи, собравшиеся вокруг какого-нибудь жестокого, ненавидящего все новое курбаши, предводителя банды? Так или иначе, но по логике вещей получается, что первый враг для них — это учитель, он — «самый опасный в их глазах человек. Да, да, он детей учит, он и взрослых прочищает зрение... Учителя самого нужно выучить сначала, учителей... мало, их, наверно, долго хватать не будет, поэтому удар врага болезненный, точный...»

Очень правильно значение школы в жизни узбекского кишлака начала двадцатых годов определяют и те, кто ведет против нее смертельную борьбу.

«Школа! Вот главный враг, с которым надо бороться», — рассуждает Салахитдин-ишан. «...Священная война» — в ярости шепчет он Талипджану Обидию, пришедшему к нему на поклон. А в минуты тяжелых раздумий Кабул-мельник, внимательно присматривавший ко всему, что происходит в кишлаке, признается, что школа становится центром притяжения для всех его жителей. И он же затем делает вывод, наблюдая за действиями националистов, баев, реакционного духовенства, направленными против советской школы и учителей: «Это... серьезная борьба не на жизнь, а на смерть. Тут другого выбора нет».

Да, другого выбора в те годы действительно не было, ибо школа открывала глаза на мир сотням тысяч людей, она несла свет в темные массы дехкан.

«Школа, — замечает автор романа, — наступала и теснила религию».

Но лучше всего о политическом значении школы говорят те, кто имеет возможность анализировать события в масштабе всего края. В ночном разговоре с одним из руководителей ГПУ Махкамом Максудовым ответственный секретарь ЦК Компартии Туркестана Акмаль Икрамов, подчеркивая значение школы в просвещении и организации масс, убежденно заявляет:

«Учитель бессмертен, потому что учитель — это... сама жизнь!».

Этим объяснялись и жестокость врагов и опасности, подстерегавшие в те годы учителя на каждом шагу.

Раскрывая громадное культурное, политическое и государственное значение работы в области просвещения в конкретных исторических условиях туркестанской действительности первых лет революции, писатель создает острозоженное и широкомасштабное эпическое произведение, все события в котором связаны с трагическими ситуациями, показывающими переломный момент в жизни ходжикентской школы.

И эпизоды классовой борьбы, с которыми мы сталкиваемся, читая роман, и поступки героев, и даже указания на географию мест, где разворачиваются действия, — все это завязано в один тугой узел, все подчинено одной большой мысли, придающей цельность и законченность этому произведению, характеризующемуся и богатством сюжетных мотивов, и разнообразием персонажей, представляющих различные слои общества.

Ночной разговор Махкама Максудова с Акмалем Икрамовым определяет завязку романа («Дети должны знать, что учителя нельзя убить»), действия Масуда, Исака-акакала, ответственных работников ГПУ, наконец, врагов революции — служителей культа, нарходжибаев и их подручных, буржуазных националистов типа Обидия, прокладывая главное русло в движении сюжета. С вызовом учителя-чекиста к Акмалю Икрамову в самый напряженный момент действия связана кульминация в развитии сюжета.

Именно в этом разговоре руководителя партийной организации края с учителем, рядовым солдатом партии, и выявляется до конца главная идея романа Хамида Гуляма «Бессмертие».

Этот разговор является идейно-художественным центром большой и умной книги о революции и ее бессмертных героях, отдавших жизни за дело Октября! Тех героев, что мудро и вдохновенно утверждали дело великого Ленина, определившего пути культурной революции в нашей стране.

Советскому государству, всем народам нашей страны, подчеркивает секретарь ЦК, нужны образованные люди, «как полю — плодородные зерна для обильной жатвы». И, развивая свою мысль, он говорит собеседнику, с громадным вниманием вслушивающемуся в каждое слово руководителя партийной организации края, кого до этой встречи он знал только по портретам: наше будущее живет в учителе и ученике, поэтому и надо беречь у наших детей стремление к накоплению знаний.

«Мы, — замечает Акмаль Икрамов, — еще не раскрыли наших детей. Они — как клады. Может быть, в одном из них живет Беруни, в другом — Улугбек. А в третьем — Ломоносов!».

Дело заключается в том, чтобы открыть эти клады, и от того, как будет решена эта задача, зависело и развитие экономики, и расцвет науки, и формирование новой культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме.

В тех конкретных исторических условиях в Туркестане (как, впрочем, и на других окраинах бывшей царской России) существовало два пути в развитии школы. Один из них — буржуазно-националистический, поддерживаемый реакционным духовенством. Он предполагал отрыв школы от жизни, от практики социалистического строительства и был рассчитан на подготовку кадров пантюркистской ориентации. Этот путь был враждебен социалистической революции. Другой — исторически закономерный и практически крайне важный — был путь интернационализма, братского единения народов, путь, который вел к вершинам передовой науки и культуры и открывал широкие и ясные перспективы. Путь, указанный Лениным, Коммунистической партией.

(Продолжение следует).